

В. А. Вазюлин

Москва, Россия.

Доктор философских наук

*профессор, руководитель Международной
логики-исторической школы*

Ответы на вопросы

Прежде чем перейти к ответам на вопросы, еще раз о моем отношении к материалистическому пониманию истории.

Великое открытие материалистического понимания истории К. Марксом было сделано тогда, когда классовое общество достигло своей зрелости и когда капитализм – зрелая стадия классового общества в свою очередь вступил в зрелую стадию. Именно в эту эпоху соотношение физического и умственного труда, с одной стороны, перешло на зрелую стадию своего противостояния, а с другой стороны, стали образовываться исторические предпосылки исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда.

Материалистическое понимание истории было (и остается) философской, методологической основой теории – главным образом – **отрицания** капиталистического, а также докапиталистического общества и практической борьбы против классового и в первую очередь против капиталистического строя.

Но со времен К. Маркса произошли коренные изменения в истории человечества. Хотя капитализм, классовое общество продолжают существовать, однако вместе с тем в XX веке в ряде стран произошли социалистические революции и эти страны пошли по социалистическому пути развития. И некоторые из них существуют до сих пор, до сих пор идут по социалистическому пути.

Таким образом, «в порядок дня» прогрессивного человечества встал вопрос не только об отрицании капитализма, но и о созидании социализма.

Решение проблем, связанных с созиданием социализма, необходимо предполагает существенное развитие теории и ее методологической основы.

Для созидания первой фазы **коммунизма** – социализма – необходимо стать на позицию главным образом **не отрицания** капитализма и даже всего классового общества, а на позицию **утверждения** новой, зрелой стадии развития человечества в целом.

С этой же позиции необходимо диалектическое «снятие» (диалектическое «снятие», напомню, есть преобразование существующего, при котором сохраняются в преобразованном виде все действительные достижения, имеющиеся ко времени преобразования) материалистического понимания истории, ибо на путях развития зрелой стадии человечества происходит **диалектическое «снятие» реальной основы этого понимания** – противоположности (и противоречия) физического и умственного труда. Диалектически «снимается» противоположность (и противоречие) материализма и идеализма, ибо по мере исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда исчезает иллюзия об абсолютной самостоятельности сознания, мышления, идей, чувств от материальной жизни общества, исчезает объективная видимость абсолютно самостоятельного, первичного существования сознания, мышления, идей, чувств. А значит, исчезает и необходимость борьбы с этой иллюзией, с этой объективной видимостью.

Об альтернативности истории

Сейчас довольно широко распространено мнение о том, что историю нельзя сводить к закономерностям, к законам, а необходимо учитывать ее альтернативность.

Конечно, учитывать и исследовать альтернативность истории важно, но сначала с необходимостью приходится выделять закономерный ход истории. Если не выделить сначала закономерный ход истории, то нельзя понять действительную роль исторических случайностей, альтернативности развития человечества.

Так, сейчас перед человечеством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо перейти, хотя и в течение длительного времени, к коммунизму. Третьего пути не дано.

Ни сформулировать, ни осознать эту альтернативу, ни предвидеть наиболее вероятный путь развития без изучения закономерного хода истории человечества невозможно. Если же принять во внимание исторический процесс в целом, то можно понять, что он закономерно идет, с одной стороны, к обострению противоречия между обществом и приро-

дой, к обострению противоречий внутри общества, внутри человечества, а с другой стороны, закономерно же образуются и вызревают возможности для разрешения этих противоречий на путях перехода к зрелой стадии развития человечества.

Следует особо подчеркнуть, что при переходе к зрелой стадии развития человечества и в ее дальнейшем развитии существенно более важную роль играет осознание этого процесса, по сравнению с ролью сознания в развитии человечества на его предшествующих стадиях: развитие коммунизма имеет своей необходимой предпосылкой осознание процесса развития человечества в целом. Это не чья-то прихоть, а именно необходимость. Она уже существует и дает о себе знать.

Уже не первый год и не первое десятилетие дает о себе знать отсутствие соответствующего современности по уровню и характеру разработанности теоретического понимания стратегических целей коммунистического движения.

В программах Коммунистических партий либо воспроизводится понимание стратегических целей на уровне, соответствующем прежним эпохам истории, либо действительное развитие марксизма подменяется псевдоновациями, не имеющими ничего общего с марксизмом.

Как раз накануне я смотрел новую работу Г.А. Зюганова о глобализме и перспективах мировой истории. По существу, это те же представления, которые были выражены в его прежних трудах: тот же эклектизм, то же стремление – возможно малоосознанное – совокупить принципиально несовместимые по своей социальной природе идеи, представления друг с другом, та же, мягко говоря, недостаточная обоснованность выдвигаемых положений и т. д.

На мой взгляд, нельзя считать, что такая, с позволения сказать, теория может быть основной для стратегических целей Коммунистической партии. Ведь речь идет ни много, ни мало, – о том, выживет ли человечество или не выживет, каковы пути и способы его выживания, каково будущее человечества. А тут нам предлагают некую несъедобную смесь.

Ныне есть много сомнений в том, что коммунизм осуществим, что человечество, в конце концов, должно к нему придти. Связаны эти сомнения в немалой степени с тем, что сомневающиеся плохо представляют глубину и направленность тех преобразований, которые совершаются в жизни современного человечества и будут совершаться в

ближайшие десятилетия и даже столетия. И поэтому, думают, что если бы коммунизм был возможен, то весь процесс должен был совершаться гораздо быстрее.

На самом деле, уже только **переход** человечества на зрелую стадию своего развития – это такой величайший перелом в истории, который сравним с переходом от доклассового к классовому обществу. Переход от доклассового общества к классовому происходил в течение **тысячелетий**. Если учесть ускорение хода истории, то и тогда переход от классового общества, от незрелого человечества, от незрелого общества к зрелому займет не одно столетие.

Я отнюдь тем самым не становлюсь на позиции меньшевиков в их борьбе с большевиками.

Борьба большевиков и меньшевиков носила конкретноисторический характер. И большевики, и меньшевики опирались на действительно существовавшие исторические тенденции, но эти тенденции были поняты ими как оторванные друг от друга, что было неизбежно, так как тенденции действительно противоречили друг другу, объективные противоречия были крайне острыми.

Большевики, на мой взгляд, были совершенно правы в том смысле, что объективные условия для совершения социалистической революции в России имелись, сложилась и революционная ситуация. Надо было брать власть.

В этом отношении меньшевики, отвергавшие позиции большевиков, были в корне неправы.

То же самое относится и к строительству социализма в нашей стране. Надо было строить социализм.

Вместе с тем и меньшевики были в некоторой степени правы, указывая на недостаточность развития производительных сил и на вытекающие отсюда следствия для движения нашей страны по социалистическому пути. Большевики, отвергая взгляды меньшевиков, не учитывали то «рациональное зерно», которое в них заключалось. Например, В. И. Ленин в одной из последних статей, а именно в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)», говорит, по существу, следующее: Суханов утверждает, что в России недостаточно развиты производительные силы. А кто знает, какие производительные силы нужны? При наличии власти в наших руках (в руках рабочего класса – **В.В.**) мы их разовьем!

Но, во-первых, если смотреть с точки зрения «Капитала» К. Маркса, то уже тогда можно было предвидеть, какой уровень и характер производительных сил необходим.

Во-вторых, полное отрицание большевиками наличия в позиции меньшевиков «рационального зерна» означало, что в позиции большевиков существовало недопонимание отрицательных сторон движения нашей страны по социалистическому пути, а такое недопонимание внутренне связано с недооценкой опасностей для движения страны по социалистическому пути, опасностей, таящихся в самой специфике переживаемой стадии развития, в самой специфике **этого** исторического движения.

Для объективной оценки большевиков и меньшевиков необходимо принять во внимание следующее: условия для социалистической революции и создания нового общества – если брать их в целом, не различая ранние и поздние социалистические революции, ранний и поздний социализм, – **созревали, т. е. они уже были, они уже созревали и их (как зрелых) еще не было.**

Когда перед рабочим и коммунистическим движением в России в начале XX века встал вопрос: «Брать власть или нет?», а затем: «Строить социализм в одной отдельно взятой стране или нет?», то ответ мог быть только однозначным: Да, брать. Да, строить. Иначе дезорганизуется движение, не используются возможности, которые, **несмотря на их противоречивость, уже существовали.**

Вместе с тем есть большая опасность, о чем писал К. Маркс в «Немецкой идеологии»: если коммунисты возьмут власть, когда не будет для этого условий, то возродится «вся старая мерзость старого мира».

Трудность, сложность заключается в том, что условия для перехода к новому обществу и само новое общество не появляются сразу в готовом, зрелом виде, а в ходе более или менее длительного исторического **процесса** проходят стадии незрелости (и социализм есть **незрелый** коммунизм). Поэтому опасность возрождения «старой мерзости» сохраняется на всем его протяжении, становясь все менее вероятной по мере продвижения к зрелой стадии.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с точки зрения **общего закономерного хода истории.** Если рассматривать историю в аспекте единства исторических законов и исторических случайностей, то надо, с моей

точки зрения, выделить как определенный исторический период – период ранних социалистических революций и раннего социализма. Социалистическая революция и социализм в нашей стране относится к ранним. Гибель раннего социализма, поражение – в конечном счете – ранних социалистических революций весьма и весьма вероятны, хотя абсолютной необходимости в этом нет.

Но гибель, поражение ранних социалистических революций и гибель раннего социализма в тех или иных и даже во всех раннесоциалистических странах не может быть достаточным основанием для исторического пессимизма, для разочарования в возможности победы социализма и коммунизма в конечном итоге.

Любой переход от одной формации к новой, более прогрессивной формации является чередой побед и поражений. Как, например, утверждались рабовладельческие государства? Когда начинали созревать рабовладельческие отношения, внутри них обнаруживались противоречия рабовладельческого общества, соседние варвары их уничтожали, так как их сообщества были более прочными.

Возвышение рабовладельческих государств и падение их под ударами варваров происходило в истории много раз.

А если мы возьмем переход от феодального общества к капиталистическому, то и тут буржуазные революции не раз терпели поражение. Более того, имели место период ранних и период поздних буржуазных революций.

То, что в одной стране или в нескольких странах потерпело или потерпит поражение социалистическая революция или погибнет социализм, отнюдь не доказывает, что социализм как таковой, как стадия в развитии человечества потерпел окончательное поражение. Из поражений необходимо выходить обновленными. И это будет неизбежно.

Я перехожу, пожалуй, к последнему пункту выступления. Здесь прозвучало отрицание того, что в нашей стране был ранний социализм, и утверждение, что это был социализм утопический.

Что касается утопического социализма.

Утопический социализм, исходя из смысла слова утопия (фантазия, неосуществимая мечта) может существовать только в фантазии. Хотя это не исключает полностью влияние фантазий, иллюзий и т. п. на поведение людей. Но построить реальное утопическое общество просто невозможно.

А теперь о том, был ли в нашей стране ранний социализм. У нас в стране производительные силы – меньшевики в этом отношении были правы – не созрели для созидания такого социализма, который вот-вот перейдет к коммунизму. Но неправы они были в том отношении, что не понимали (как и большевики): процесс созревания условий – это процесс, проходящий разные стадии.

Производительные силы развивались неравномерно. Ряд отраслей был на самых передовых в мире позициях, но в то же время у нас было 45 % ручного труда, а в строительстве – намного больше. Ручной же труд не адекватен даже развитым капиталистическим отношениям. Это одна черта раннего социализма. Другая черта раннего социализма заключалась в следующем.

В связи с тем, что социалистическая революция победила в одной стране, окруженной врагами намного ее превосходящими, и в условиях надвигавшейся второй мировой войны, строительство социализма должно было происходить в предельно сжатые сроки, в спешном порядке, с отвоением для социализма максимума «жизненного пространства».

Поэтому, несмотря на то, что производительные силы не были готовы к всеохватывающему и полному обобществлению, такое обобществление попытались осуществить. На это толкала главным образом, но не только жесточайшая внешняя необходимость. Упрекать в том никого нельзя! Но забегание вперед должно было сказаться и действительно сказалось.

Вообще при социализме – если брать его, как сказано, с точки зрения общего закономерного хода мировой истории, отвлекаясь от его конкретноисторических проявлений и от исторических случайностей – имеет место преимущественно формальное, а не реальное обобществление, подобно тому, как в развитии капитализма существуют две реальные эпохи – формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Формальное обобществление при социализме, в частности, ведет к тому, что люди воспринимают государственную собственность как формально свою.

Если же в строительстве социализма происходит забегание вперед в процессе обобществления, то формализм обобществления усиливается. Соответственно, усиливается и отношение к государственной собственности как формально своей.

У нас в первой половине 80-х годов XX века – как сообщалось в «Правде» – было примерно 500 тысяч «несунов» (мелких расхитителей социалистической собственности). Если учесть, что раскрываемость такого рода деяний очень незначительна, то можно себе представить, какое огромное количество людей участвовало, пусть в мелком, но расхищении социалистической собственности. Это было противоречие между общественными и личными интересами. В той или иной степени оно сохраняется на протяжении всего социализма, но в раннем социализме это противоречие существует в усиленном варианте.

Итак. Ранний социализм¹ имеет две основные особенности: во-первых, ранний социализм возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе, и, во-вторых, ранний социализм возникает в условиях превосходства сил мира капитализма. Соответственно, эпоха позднего социализма начинается тогда, когда, во-первых, социализм начинает развиваться на вполне адекватной себе материально-технической базе, и, во-вторых, когда силы мира социализма начинают превосходить силы мира капитализма.

А вот теперь – ответы на вопросы. По поводу вопроса В. И. Шмакова о модели социализма, выстроенной на основе научной теории.

Развитие общества – естественноисторический процесс, люди – как доказал К. Маркс, – могут ускорить его или замедлить, но не отменить. Поэтому, прежде чем действовать и для того, чтобы успешно действовать, нужно познать законы этого процесса, закономерные стадии, которые он проходит. И если, предположим, он находится на незрелой стадии, то от того, что это нам не нравится, незрелость его не исчезнет по волшебству, а приходится с ней считаться как с объективной данностью.

Действительно, в исследовании социализма как незрелой стадии коммунистического общества нельзя **непосредственно и в полной мере** использовать всю систему диалектической логики «Капитала» К. Маркса.

Однако разочаровываться в существенном значении логики «Капитала» К. Маркса для исследования социализма не стоит.

Во-первых, логика «Капитала» К. Маркса – логика исследования и изложения зрелого предмета. А так как «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (К. Маркс), то подобно этому логика исследова-

¹ Характеристика раннего и позднего социализма дается здесь впервые.

ния и изложения зрелого предмета есть ключ к логике исследования и изложения незрелого предмета.

Конечно, переход к выявлению логики незрелого предмета есть выход за пределы непосредственно логики «Капитала» К. Маркса, но такой выход, который исходит и основывается на логике «Капитала» К. Маркса.

Вместе с тем такой выход за пределы логики «Капитала» К. Маркса представляет собой не только переход к логике незрелого предмета, но и переход к более широкому и более углубленному пониманию логики «Капитала». Именно в соотношении с логикой незрелого предмета логика «Капитала» предстает не просто как логика исследования конкретного предмета вообще, а как логика **зрелого** предмета, т. е. как логика **одной из стадий** истории предмета (процесса и т. п.).

Таким образом, логика «Капитала» оказывается «моментом» более широкого и более углубленного понимания диалектической логики, логики истории предмета, в которой логика отображения зрелого предмета не есть то, к чему сводится вся диалектическая логика, а есть логика отображения **одной из стадий** развития предмета.

Во-вторых. Капитализм как одна из стадий предыстории (по сравнению с подлинной историей) человечества есть тоже одна из стадий **незрелого** человеческого общества. В таком отношении в эпоху К. Маркса капитал не мог быть исследован в полной мере.

Тем не менее, если по отношению к подлинной истории человечества капитализм был одной из незрелых стадий процесса развития человечества, то по отношению к **своей** истории капитализм во времена К. Маркса уже вступил в стадию своей зрелости.

Подобно этому социализм – **незрелая стадия подлинной истории**, но социализм может быть зрелым по отношению к **своей** истории, но имеет и будет иметь и стадию подготовки (начала), и стадию первоначального возникновения, и стадию формирования.

Следовательно, возможности и перспективы как предвидения развития социализма, так и изучения реально существующего социализма не столь пессимистичны, как может показаться.

В вопросе, заданном В. И. Шамаковым, содержится такая фраза: «Сегодня состоит проблема не в том, чтобы сказать: необходим социализм, коммунизм, – это все заклинания».

Да, если просто говорить: «Социализм, коммунизм необходимы», то тут нет проблемы.

Но доказывать, обосновывать необходимость социализма, коммунизма чрезвычайно важно.

Не буду говорить о том, что ныне не только враги социализма, коммунизма утверждают, что история хоронит социализм, коммунизм, не буду говорить и о том, что многие люди, не настроенные против социализма, коммунизма сомневаются в их необходимости, скажу лишь о том, что по самой сути **обоснование** необходимости социализма и коммунизма не есть то, что раз и навсегда дано и к настоящему времени абсолютно достигнуто, а представляет собой процесс. ***Обоснование необходимости социализма и коммунизма развивается по мере их изучения и развития.***

Далее автор вопроса говорит: «Это заклинания до тех пор, пока нет научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.».

Прежде всего, я не могу принять в таком контексте термин «модель». Создается впечатление, что социализм и коммунизм можно конструировать. Общественная наука, все человечество, в том числе теоретики социализма и коммунизма, **по крайней мере еще** не находятся на таком уровне, чтобы было возможно **конструирование** развития общества.

Создание «научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.» то же есть процесс, который не появляется сразу в виде «программы и т. д.».

В истории марксизма имеется, например, такая программа как «Манифест Коммунистической партии». Однако прежде чем К. Маркс и Ф. Энгельс смогли написать его, они прошли довольно сложный путь теоретического развития, ими были созданы ряд классических трудов, таких как «Святое семейство...», «Немецкая идеология» и др.

Так что же получается? До написания «Манифеста Коммунистической партии» они занимались одними заклинаниями?

Программа нужна и важна, но она не может быть создана без предшествующих ее написанию других этапов теоретической работы.

Вспоминается застарелая болезнь пренебрежения к теоретической работе. Особенно она была характерна для чиновников от идеоло-

гии, они полагали, что все и всегда готово для написания программы, достаточно собрать несколько человек на правительственной даче, и они смогут написать программу, «научно выстроенную, теоретически продуманную». Они не понимали, что с теоретической работой дело обстоит не так просто, что предвидение не появляется одновременно (тем более по предписанию начальства), а есть тоже процесс, что предвидение осуществляется на каждой из стадий теоретического процесса, на каждом этапе теоретической работы и углубляется по мере ее углубления. Программа же (и план действий) – завершающий этап этой работы.

На вопрос А. С. Барсова о труде, стоимости и потребительной стоимости при коммунизме можно сказать следующее.

Труд и стоимость отнюдь не одно и то же. К. Маркс впервые в истории человечества последовательно различил труд конкретный, создающий потребительную стоимость, и труд абстрактный, создающий стоимость. Стоимость – есть продукт абстрактного труда, воплощенный в продукте конкретного труда.

Труд абстрактный, как впервые показал К. Маркс, представляет собой **исторически определенное общественное отношение**. Он существовал в истории человечества не всегда и исчезнет с переходом к собственно коммунистической стадии подлинной истории человечества.

Потребительная стоимость берется К. Марксом в «Капитале» не сама по себе, а в связи с рассмотрением именно капитала, постольку, поскольку потребительная стоимость и создающий ее конкретный труд включаются в движение капиталистических производственных отношений.

Производство вещей, предметов, способных удовлетворять какую-либо потребность, т. е. производство потребительных стоимостей («потребительных полезностей») имеется в любом человеческом обществе, в том числе и коммунистическом.

Стоимости же и порождающей ее абстрактного труда на зрелой стадии коммунизма не будет.

Стоимостные отношения достигают при капитализме своего наивысшего развития. Вместе с тем при капитализме они постепенно и в определенной степени вытесняются, однако, сохраняя господствующее положение.

Иначе говоря, стоимость постепенно и в определенной степени вытесняется уже в рамках своего господства, в пределах капитализма. В общем и целом изживаются стоимостные отношения на уровне пред-

приятий. Цех с цехом не вступают в отношения обмена товаров, а происходит прямое распределение.

В период монополистического капитализма конца XIX-го – начала XX века прямое распределение в известной мере переходит на уровень монополий.

Образованием и распространением транснациональных корпораций аналогичный характер отношений образуется и на этом уровне.

Но речь может идти только о предпосылках исчезновения стоимости при капитализме, а не об уничтожении стоимости в целом, речь идет о законе-тенденции и притом именно на стадии подготовки (начала) исчезновения стоимости.

Что же касается тенденции к уменьшению стоимости в единицах произведенной конкретным трудом продукции, то К.Маркс ее исследует, когда рассматривает относительную прибавочную стоимость: переменный капитал по мере развития производительных сил в пределе стремится к нулю, а постоянный капитал – к бесконечности. Тем самым самодвижение капитала, которое и осуществляется переменным капиталом, создает себе пределы своего существования. Движение к этому пределу – при прочих равных условиях – бесконечно. Здесь видно, что капитализм автоматически не рухнет, а нужна сила, которая устранил капитализм. Условия для образования такой силы вызревают по мере развития капитализма. Впрочем, это уже специальная тема.

При каких условиях может быть преодолена стоимость?

Тогда, когда будет преодолена хозяйственная обособленность субъектов хозяйств. А что лежит в основе хозяйственной обособленности? Обособленность (в развитом виде противоположность и противоречие) разных видов труда, т. е., если воспользоваться принятым ныне словоупотреблением, разделение труда. О процессе преодоления разделения труда я надеюсь написать в будущем. Это тоже специальная и весьма сложная тема.

И, наконец, о соотношении необходимости и случайности в историческом процессе. Этот вопрос задавал А. В. Чусов.

Возникновение и развитие раннего социализма – естественноисторический (но не автоматически совершающийся) процесс. Он складывается как равнодействующая деятельности масс людей², деятельность которых совершается при определенных условиях.

² Каждый из них стремится удовлетворить свои потребности, преследует свои цели и т. д.

Естественноисторический процесс закономерен. Однако законы не абсолютны. К сожалению, отсутствует понимание того, что **сами законы проходят стадии своего развития, сами законы возникают, формируются, исчезают**. Если встать на такую позицию, то существенно меняется методология и форма развития. Случайность и необходимость не просто едины в своем различии, но на разных стадиях процесса развития сама их взаимосвязь развивается, проходя различные стадии.

Если мы рассмотрим ранний социализм, то увидим, что существует его и политическая, и экономическая необходимость, как существует и политическая, и экономическая необходимость ранней социалистической революции. В России, например, именно главным образом экономическая необходимость обусловила переход страны к раннему социализму: крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий мирового капитализма, а также крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий внутри нашей страны.

В. И. Ленин, на мой взгляд, достаточно убедительно показал, что преодолеть грозящую (экономическую прежде всего и главным образом) катастрофу можно было только на пути социалистического развития России.

Великая Октябрьская социалистическая революция ни в коем случае не заговор, не сугубо политическая акция, не опиравшаяся на экономическую необходимость, «Заговор», выражавший конкретные потребности широчайших масс населения, поддержанный ими, – на самом деле не заговор, а самая настоящая революция.

Революционное движение масс в России в 1917 г. было вызвано главным образом жесточайшими экономическими противоречиями, жесточайшей экономической нуждой, условия для преодоления этой нужды в России в определенной степени уже возникли.

С точки зрения развития производительных сил и России, и всего мира в целом, экономические и политические условия для ранней социалистической революции, для образования **раннего социализма уже имелись**. Но именно для **ранней социалистической революции, для раннего социализма**. А для **позднего социализма таковых условий не было**. Между тем, понимания того, что в своем развитии социализм может пройти два этих этапа не было, социализм не подразделялся на ранний и по-

здний. С этим, между прочим, связана и некоторая неадекватность социалистической теории и практики того времени, реально существующей общественной жизни, реальной стадии развития производительных сил.

Итак, экономическая необходимость и была, поскольку она находилась на такой стадии развития, когда стали необходимы ранняя социалистическая революция и ранний социализм, и экономическая необходимость недостаточно развилась, ибо не сложилась экономическая необходимость поздней социалистической революции, позднего социализма.